

Александр Куприн

Блондель

Александр Иванович Куприн
Блондель
Серия «О цирке», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172700

Содержание

4

Блондель

На берегу Невы мы сидим в легком, качающемся поплавке-ресторанчике и едим раков в ожидании скромного ужина. Десять с половиной часов вечера, но еще совсем светло. Стоят длительные, томные, бессонные белые ночи – слава и мука Петербурга.

Нас – пятеро: клоун из цирка Чинизелли, Танти Джеретти с женой Эрнестиной Эрнестовной; клоун Джаиакомо Чирени (попросту Жакомино) из цирка «Модерн»; ваш покорный слуга и гастролировавший за прошедший сезон в обоих цирках укротитель диких зверей Леон Гурвич, чистокровный и чистопородный еврей, единственный в своем племени, кто после пророка Даниила занимается этой редкой, тяжелой и опасной профессией.

Свидание наше лишено обычного непринужденного веселья. Оно прощальное перед скорой разлукой. Постоянные большие цирки с началом лета прекращают обыкновенную работу, перестающую в эту пору давать необходимый доход. Половина публики разъехалась на дачи и за границу, другая половина развлекается на свежем воздухе в различных кабаре и мюзик-холлах. Артисты до начала осени остаются в положении свободных птичек небесных. Те из них, кому

случай, талант или удача успели сковать прочные, громадные имена, заранее уже запаслись на летний сезон ангаже-ментами в богатые губернские города, издавна славящиеся любовью и привязанностью к цирковому искусству. Мелкая рыбешка и униформа пристают к бродячим маленьким циркам – «шапито», пользующимся старой доброй репутацией, и проводят трудовое лето под парусиновым навесом, обходя городишки и местечки.

Правда, работая под шапито, трудно приобрести известность, но хорошо уже и то, что в течение трех месяцев тело, мускулы, нервы и чувство темпа не отстают от манежной тренировки. Недаром же цирковая мудрость гласит: «Упражнение – отец и мать успеха».

Говорит Гурвич, укротитель зверей. Речь его, как всегда, тиха, однообразна и монотонна. Между словами и между предложениями – очень веские паузы. Его редкие жесты – наливает ли он себе в стакан из бутылки пиво, закуривает ли он папиросу, передает ли соседу блюдо, указывает ли пальцем на многоводную Неву – спокойны, ритмичны, медленны и обдуманно-осторожны, как, впрочем, и у всех первоклассных укротителей, которых сама профессия приучает навсегда быть поддельно-равнодушным и как бы притворно-сонным. Странно: его неторопливый голос как-то гармонично сливается с ропотом и плеском прибрежных холодных волн.

Лицу его абсолютно чуждо хотя бы самое малое подобие

мимики. Оно, как камень, не имеет выражения: работа съела его. Со всегдашним мертвым, восковым, мраморным лицом и с тем же холодным спокойствием он входит в клетку со зверями, защелкивая за собою одну за другой внутренние железные задвижки.

Он очень редко употребляет в работе шамбарьеры, пистолетные выстрелы, бенгальские огни и устрашающие крики и всю другую шумливую бутафорию, столь любимую плебейским градемом, расточителем аплодисментов. Гагенбек-старший называл его лучшим из современных укротителей, а старший в униформе парижского цирка, престарелый мосье Лионель, говорил о нем, как об артисте, весьма похожем на покойного великого Блонделя.

– На ваш вопрос, мадам Эрнестин, – сказал Гурвич, – мне очень трудно ответить. Боимся ли мы зверей? Тут все дело в индивидуальности, в характерах, в привычке и навыке, в опытности, в любви к делу и, конечно, уже в психологии зверя, с которым работаешь... Главное же, все-таки наличие дара и его размеры, – это уж от Бога. Возьмите, например, великого, незабвенного и никем не превосходимого Блонделя. Это был истинный бог циркового искусства, владевший в совершенстве всеми его видами, родами и отраслями, за исключением клоунады. Это он впервые дерзнул перейти через водопад Ниагару по туго натянутому канату, без балансира. Впоследствии он делал этот переход с балансиром, но неся

на плечах, в виде груза, любого из зрителей, на хладнокровие которого можно было полагаться. После Блонделя осталась книга его мемуаров, написанная превосходным языком и ставшая теперь большою редкостью. Так в этой книге Блондель с необыкновенной силой рассказывает о том, как на его вызов вышел из толпы большой, толстый немец, куривший огромную вонючую сигару, как сигару эту Блондель приказал ему немедленно выбросить изо рта и как трудно было Блонделю найти равновесие, держа на спине непривычную тяжесть, и как он с этим справился. Но на самой половине воздушного пути стало еще труднее. Немец «потерял сердце», подвергся ужасу пространства, лежащего внизу, и ревущей воды. Он смертельно испугался и начал ерзать на Блонделе, лишая его эквилибра ¹.

– Держитесь неподвижно, – крикнул ему артист, – или я мгновенно брошу вас к чертовой матери!

И тут настала ужасная минута, когда Блондель почувствовал, что он начинает терять равновесие и готов упасть.

Сколько понадобилось времени, чтобы снова выправить и выпрямить свое точное движение по канату, – неизвестно. Это был вопрос небольшого количества секунд, но в книге его этим героическим усилиям отведена целая небольшая страница, которую нельзя читать без глубокого волнения, заставляющего холодеть сердце. А дальше Блондель рассказывает, что, окончив свой страшный переход, он был доставлен

¹ Равновесия (от франц. *equilibre*).

кружным путем к месту его начала. Надо сказать, что среди многочисленных зрителей находился тогда наследный принц Великобритании, в будущем король Эдуард VII, король между джентльменами и джентльмен между королями. Он был в восторге от подвига Блонделя, пожал ему руку и подарил ему на память свои прекрасные золотые часы. Блондель был человек воспитанный и очень любезный. Он низко, но свободно поклонился принцу, благодаря его за подарок, и, когда выпрямился, сказал с учтивостью:

– Я буду счастлив, ваше королевское высочество, если вы соблаговолите сделать мне великую честь, согласившись вместе со мною прогуляться таким образом через Ниагару.

И умный принц не хотел отказом огорчить отважного канатоходца. Он сказал с очаровательной улыбкой:

– Видите ли, господин Блондель. Я на ваш изумительный переход с великим вниманием смотрел, не пропуская ни одного движения, и – пусть это будет между нами – я убедился в том, что для выполнения такого головоломного номера мало того, что артист отважен, спокоен, хладнокровен и безусловно опытен в своем деле. Надо, чтобы и человек, являющийся его живым грузом, обладал хотя бы пассивным бесстрашием. Не так ли? Я же, хотя и не считаю себя трусом и не боюсь пространства, но одна мысль о том, что случайно могу испортить или затруднить переход, приводит меня заранее в отчаяние. Но вы подождите, господин Блондель. Когда-нибудь в свободные часы я начну усердно работать над

моим равновесием и когда, наконец, найду его достойным, то мы с вами непременно отправимся на Ниагару, выждав благоприятное время.

Да, этот государь имел, без всяких стараний и поз, инстинктивный дар очаровывать людей. Гордый Блондель остался до конца своих дней его преданным и восторженным поклонником.

А теперь еще два слова о Блонделе. Известно, что в числе его многих цирковых талантов был и талант укротителя, в котором он, как и повсюду, оставил рекорды, до сих пор еще недостижимые. Так однажды он держал пари со знаменитым менеджером ² Барнумом в том, что он один войдет в любую клетку со зверями какой угодно породы, возраста и степени дрессинга и проведет в ней ровно десять минут.

Нет, то не был спор, в котором на одних весах висело человеческое мясо, а на других ничтожная кучка долларов. Блондель настоял на том, чтобы нотариус из Чикаго (где все это происходило) засвидетельствовал в своей конторе все условия пари. Блондель поставил со своей стороны такую круглую сумму, которая заставила богатого Барнума поморщиться. Идти вспять ему не позволил его громадный престиж. Также настоял Блондель, чтобы в нотариальный акт были внесены следующие условия: а) звери должны быть накормлены по крайней мере полсуток назад; в) кон-

² Директор (от англ. manager).

троль кормления принадлежит помощнику Блонделя; с) ввиду крайней опасности номера женщины и дети во время его исполнения в манеж не допускаются и d) Блонделю предоставляется выбор костюма.

Старые свидетели этого безумного пари рассказывали о нем потом до конца жизни, как о дерзком и великолепном чуде. Вы, господа, конечно, не можете себе представить, какой комплект веселеньких зверей распорядился подобрать Барнум, истинный, чистокровный американец, человек, начавший свою карьеру чистильщиком сапог и завершивший ее миллиардами долларов, субъект – железный, холодный и беспощадный.

Под звуки марша Блондель вошел на арену, и вся публика охнула, как один человек, от удивления.

Блондель оказался... голым. На нем ничего не было, кроме замшевых туфель и зеленого Адамова листка ниже пояса, в руке же он держал зеленую оливковую ветку в половину метра длиною. Звери встретили его молчанием, когда он входил в клетку, запирая ее за собою. По-видимому, они были поражены больше, чем публика, костюмом нового укротителя и его сверхъестественным спокойствием. Он неторопливо обходил большую клетку, переходя от зверя к зверю. Очевидно, он узнавал в них воспитание и дрессинг Гагенбека из Гамбурга, потому что порою на тревожные взгляды и движения их ласково говорил по-немецки. Молодой крупный азиатский лев рыкнул на Блонделя не злобно, но

чересчур громко, так что в конюшнях тревожно забились и затопали лошади. Блондель отеческим жестом обвил вокруг звериной морды свою волшебную зеленую ветвь и сказал воркующим, приветливым голосом: «О мейн кинд. Браво шон, браво шон»³. И лев, умолкнув, тяжело пошел следом за ногами Блонделя, как приказчик за строгим хозяином.

В общем, Блондель пробыл в клетке четверть часа, на пять минут дольше условленного. Выходил он из нее не спиной, как это делают из осторожности большинство укротителей, а прямо лицом к дверям. Таким образом он не мог заметить того, что заметила публика: одна нервная и злая тигрица, увидев уход укротителя, вдруг стала эластичными беззвучными шагами подкрадываться к нему. Но тот же азиатский лев стал ей поперек дороги и угрожающе забил хвостом.

Когда по окончании сеанса Блонделю сказали об этом в уборной, он ответил беспечно:

– Иначе и не могло быть. Ведь обходя клетку, я успел взглянуть и на глупую трусливую тигрицу и на великодушного, благородного льва. Ведь для хорошего укротителя зверей надобны два главных качества: абсолютное, почти уродливое отсутствие трусости и умение приказывать глазами. Правда, все животные любят, чтобы человек говорил с ними, но это – дело второстепенное...

– Да, великим человеком был этот удивительный француз Блондель, – сказал Гурвич. – Такие люди рождаются только

³ «О дитя мое. Браво прекрасно, браво прекрасно» (нем.).

раз в тысячу лет, по особому заказу природы...